
СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ: ТЕОРИЯ ИДЕОЛОГИИ

Г.И. МУСИХИН

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ИДЕОЛОГИЙ: ОТ ПОВЕДЕНЧЕСКОГО АНАЛИЗА К ПОСТСТРУКТУРАЛИСТСКИМ КОНТЕКСТУАЛЬНЫМ МОДЕЛЯМ

Можно констатировать, что идеология является одним из самых распространенных политических терминов и одновременно – наиболее оспариваемым понятием политической теории¹. Чтобы проиллюстрировать, с какими проблемами сопряжена теоретическая рефлексия данного предмета, достаточно вспомнить лозунг о «конце идеологий», который впоследствии и сам был признан идеологически тенденциозным. Не случайно идеология некогда была названа «самой неуловимой концепцией во всей социальной науке» [McLellan, 1986, p. 1]. Однако, как это ни парадоксально, *хотя теоретики неустанно жалуются на трудности, связанные с концептуализацией идеологии, политики продолжают пользоваться этим термином* во взаимоотношениях со своими сторонниками. А это означает, что «идеология» по-прежнему будет находиться в фокусе внимания политической науки.

Теоретическая рефлексия идеологии как политического явления всегда носила отпечаток критики. Несмотря на активное использование данного термина политологами, он по большей части

¹ Подробнее о теории идеологий [см.: Капустин, 1996, 1997; Тузиков, 2002; Мусихин, 2013].

не является «желанным ребенком» в этой «семье». Это обусловлено не только влиянием марксистской концепции ложного сознания, но опытом тоталитарных идеологий XX в., претендовавших на исключительное владение истиной во всех ее проявлениях.

Тем не менее данное понятие можно обнаружить во всех сколько-нибудь полных учебниках по политической науке. При этом дело, как правило, не идет дальше описания дискретного набора систем политических верований, неизменно включающего либерализм, консерватизм, социализм, фашизм и т.д. Окончание списка может варьироваться, но первые три позиции неизменны. Это создает ощущение некоторой догматичности теоретических представлений об идеологиях, хотя на самом деле политическая наука постоянно пополняется все более изощренными инструментами их анализа.

Можно сказать, что *концепт идеологий, как никакой другой, подвержен всем ветрам «академической моды»*, демонстрируя господство той или иной «доминирующей методологии». Вследствие такой «методологической отзывчивости» концепт идеологии можно обнаружить и в дебатах по поводу влияния политики на науку и искусство, и в пропагандистских дискуссиях по поводу «тоталитарных» и «открытых» идеологий, и в установках методологического индивидуализма (который оказывается до неприличия либеральным), и в новых лингвистических и постструктуралистских концепциях политики. Список можно продолжить. Подобная изменчивость подкрепляет позицию скептиков, считающих идеологии «недоброкачественным» материалом, который заранее обесценивает усилия, прилагаемые к его анализу. Другими словами, теоретическое систематическое изучение идеологий до сих пор остается вызовом для политической науки.

Блеск и нищета «бихевиористской революции» в изучении идеологий

Поведенческая революция в политической науке не могла обойти вниманием изучение идеологий [см.: Малинова, 2003]. Находясь в рамках позитивистской парадигмы фиксации наблюдаемого поведения, сторонники бихевиоризма пытались абстрагироваться от марксистской трактовки идеологии как ложного сознания и выяснить, насколько хорошо люди понимают смысл позиций идеоло-

гического спектра. Особое место здесь занимают панельные исследования Филиппа Конверса на основе данных 1956, 1958 и 1960 гг. Результаты его опроса об отношении американцев к ведущим политическим партиям США оказались обескураживающими: лишь один из десяти респондентов дал ответы, соответствовавшие заявленным ими идеологическим убеждениям, при этом их позиции по разным вопросам не отличались последовательностью [Converse, 1964, p. 206–261]. Конверс пришел к естественному для приверженца политического бихевиоризма выводу: большинство избирателей не понимают сути идеологий. Меньшинство же предсказуемо оказалось более образованным и более заинтересованным в политике.

За исследованием Конверса последовали другие работы, исследовавшие идеологию в рамках поведенческого подхода. При этом, используя одну и ту же методологию, исследователи приходили к диаметрально противоположным выводам. Так, сторонники концепции «идеологического невежества» на основании исследований отношения к мигрантам в США утверждали, что люди легко доверяют тому, чему хотят доверять, и не воспринимают информацию противоположного свойства [Nadeau, Niemi, 1995, p. 323–46; Nadeau, Levine, 1993, p. 332–47]. А в результате исследований поведенческих пристрастий был сделан вывод, что подавляющее число людей просто некритически воспроизводят позиции, озвученные лидерами общественного мнения [Zaller, 1992].

В то же время другие приверженцы поведенческого подхода доказывали, что хотя избиратели, в соответствии с тезисом Конверса, не понимают логику ценностей, они в состоянии безошибочно определять левых и правых кандидатов и правильно делать выбор в соответствии со своими предпочтениями [Delli Carpini, Keeter, 1996]. Выражаясь метафорически, оказалось, что для того, чтобы быть хорошим водителем, не обязательно разбираться в принципах работы двигателя внутреннего сгорания.

Столь противоречивые результаты исследований идеологий, основанные на позитивистской установке бесспорности зафиксированного поведения, привели к тому, что поведенческий анализ идеологий иронично обвинили в исследовательской «шизофрении» [Kuklinski, 2007, p. 55–61]. Действительно, надо признать, что политический бихевиоризм обнаружил свою методологическую уязвимость (или недостаточность) в исследовании идеологий.

Идеологии и дискурс

Можно сказать, что идеологии являются тем самым *infant terrible* политической науки, который подвергает тяжкому испытанию на прочность различные методологические изыскания в исследовании политики. Одним из таких направлений стало применение дискурсивного анализа для понимания и объяснения роли идеологий. При этом вопрос «*Что люди делают?*» сохраняет свое значение для исследования идеологий, однако внимание переключилось с того, «*как люди себя ведут*», на то, «*что они говорят*».

Рассмотрение идеологий сквозь призму возникновения и взаимодействия дискурсов опирается на очевидный факт: любая идеология – это прежде всего Текст. Следовательно, идеологии выражаются и усваиваются через дискурс, т.е. путем устного или письменного коммуникативного взаимодействия. Когда члены идеологизированной группы мотивируют или легитимизируют какие-то групповые действия, они делают это в терминах идеологического дискурса¹.

Возникновение дискурсов зависит от свойств коммуникативной ситуации, в которой происходит интерпретация языковых конструкций. Коммуникативную ситуацию можно определить как *контекст*², представленный в виде определенных эпизодических моделей взаимодействия. Эти контекстуальные модели контролируют многие аспекты формирования дискурса, делая последний общественно значимым. Как и все субъективные ментальные модели, контекстуальные модели могут быть идеологически «пристрастными» к общей социально-политической ситуации³. Контекстуальная модель может накладывать отпечаток на выбор лексических конструкций в ходе общения, раскрывая или, наоборот, затушевывая реальное отношение к предмету обсуждения. Например, широко укорененный во многих обществах мужской шовинизм может «затаиться», попав в ситуацию феминистского дискурса. Иными словами, контекстуальная модель может помочь обнаружить идеологическую предвзятость той или иной речевой

¹ Подробнее о дискурсивном анализе идеологий [см.: Гаврилова, 2009; Мусихин, 2011, с. 128–144 и др.].

² О контекстуальных моделях дискурса [см.: Dijk, 1999, p. 123–148].

³ Подробнее о ментальных моделях [см.: Johnson-Laird, 1983].

коммуникации, что, в свою очередь, облегчает анализ идеологического дискурса.

Содержание дискурса находится под контролем субъективных интерпретаций, осуществляемых носителями языка, формируя различные ситуативные ментальные модели. Люди понимают дискурс, если способны сконструировать его модель. Военные действия в Южной Осетии 2008 г. освещались новостными службами, воспроизводя субъективные ментальные модели как «создателей» новостей, так и их «потребителей». Поэтому дискурсы, связанные с этими событиями, в России, в странах ЕС, в США или в Грузии существенно различались, что не всегда было следствием примитивной односторонней пропаганды и «промывки мозгов». Как и в случае с контекстуальными моделями, модели ситуативные могут демонстрировать идеологическую предвзятость, основанную на базовых социальных убеждениях. Идеологически предвзятые ситуативные ментальные модели обычно производят идеологический дискурс, в котором события и акторы имеют положительную или отрицательную окраску в зависимости от вышеобозначенной идеологической предвзятости. И чем конкретнее обсуждаемые события, тем сильнее высвечивается предвзятость, несмотря на апелляцию к «очевидным фактам». Как это ни парадоксально, но *чем очевиднее факты, тем пристрастнее идеологические дискурсы.*

Необходимо подчеркнуть, что контекстуальные и ситуативные модели коммуникации являются в основном субъективными и лично ориентированными. При этом члены того или иного коллектива могут иметь более устойчивые социальные и политические убеждения, выходящие за рамки ситуативной коммуникации: стабильная система знаний, взглядов и идеологических стереотипов. Данные общие взгляды являются «контрольными точками» при создании тех или иных контекстуальных и ситуативных моделей, а следовательно – при создании и понимании дискурсов. Можно сказать, что *значения дискурса подобны айсбергам*, в которых с очевидностью выражаются только части смыслов, основная же масса общего знания имплицитно предполагается. В результате такого характера общего знания *то или иное сообщество, как правило, представляет себя неидеологизированным*, так как общее знание трактуется данным сообществом как истина, а не как тенденциозная идеология. Тенденциозность можно выявить только при комплексном анализе знания. Даже в группах, которые можно

охарактеризовать как идеологизированные, основу взаимопонимания составляет то, что воспринимается как «само собой разумеющееся», и идеологические границы выступают в качестве составных элементов этого общего знания.

То же самое можно сказать о ментальных моделях и связанных с ними дискурсах: толкование смыслов есть процесс, в котором формируются и активизируются различные формы знаний. Со стороны эти общие знания могут интерпретироваться как вера или суеверие, а с политической точки зрения – как идеологическая ангажированность или фанатизм (в зависимости от силы этих «суеверий»).

На основе идеологически предвзятых моделей и общих социальных верований происходит стратегическое формирование идеологического дискурса. Именно этой стратегии подчинены бесконечные в своем многообразии языковые и смысловые приемы: интонация, местоимения, тематизация, усиление контекстуализации или, наоборот, – точности описания, риторические фразы, многозначительные и неопределенные намеки и т.д. Все это создает «оглавление» идеологии, которая подчеркивает «наши» положительные качества и «чужие» отрицательные, и наоборот [Dijk, Kintsch, 1983].

Из краткого обзора социально-когнитивных процессов, лежащих в основе образования и осмысления идеологических дискурсов, можно увидеть, что связь между идеологиями и дискурсами является сложной и часто косвенной. Идеологический дискурс может зависеть от идеологически предвзятого контекста, от идеологического способа интерпретации событий как конструирования ситуативных ментальных моделей или от непосредственных идеологически контролируемых общих верований¹.

Необходимо также допустить, что конкретные условия контекста могут скрывать идеологические взгляды их носителей. Возможность выявления идеологической установки зависит от коммуникативной ситуации. Иными словами, дискурсивная концепция идеологии не предполагает жесткой детерминации: участники не обязательно и не всегда выражают и принимают верования группы, с которой они себя идентифицируют. Таким образом, идеологический дискурс всегда лично и контекстуально вариативен.

¹ О коллективных верованиях и предрассудках [см.: Dijk, 1984; 1987; 1993].

Это обстоятельство должно умерить «позитивистский оптимизм» приверженцев эмпирических методов изучения идеологий. Внутри идеологизированных групп соответствующие верования могут предполагаться, но не проговариваться, а за их рамками – подвергаться словесной цензуре политической корректности. Для выявления идеологических представлений требуются непрямые (косвенные) методы анализа.

Такие методы разработаны в рамках критического дискурсивного анализа. Как показали Фейрклаф, Фоулер, Ван Дейк и Водак, существует много дискурсивных способов усиления / смягчения наших / их позитивных / негативных проявлений и поступков, а значит – идеологической окраски дискурса. Эти способы могут иметь как смысловой, так и сугубо лексический характер. Однако подробный разбор этих способов выходит за рамки данной статьи [см. об этом: Fairclough, 1995; Fowler, 1991; Dijk, 1995; Wodak, 1989].

Но и дискурсивный анализ уязвим для методологической критики. Одной из главных его проблем является преднамеренность (intentionality). Анализируя текст, мы не можем со стопроцентной уверенностью утверждать, что использование тех или иных речевых конструкций носило характер идеологической ангажированности, а не было автономным свойством литературного стиля, а значит, не находилось под сознательным политическим контролем [Brand, 1984]. Политическая некорректность не обязательно предполагает принципиальное несогласие с политически корректным высказыванием, ибо вообще вне рамок политического дискурса: *озвучивание бытовой ксенофобии может не содержать в себе элементов националистического дискурса, хотя формально может сильно на него походить.*

Проблема заключается в том, что *мы не можем наблюдать намерения*, а значит, никогда не сможем подтвердить исследование преднамеренного идеологического дискурса данными количественных социологических исследований.

Кроме того, *дискурсивный анализ сосредоточивается на «говорящих», однако есть еще и «слушающие»,* которые воспринимают информацию зачастую не так, как хотят «говорящие». При этом основное значение восприятия состоит в ожидаемых социальных последствиях, а не в хороших или плохих намерениях. Если идеологический дискурс «говорящих» столкнется с идеологи-

чески чуждыми «слушающими», возникнет политический конфликт, несмотря на «добрые намерения» «говорящих».

Именно идеологическая преднамеренность служит маркером, показывающим, что уместным является именно дискурсивный анализ идеологизированной речевой ситуации. Однако степень такой преднамеренности может быть определена только контекстуально: перед тем, как начать анализ речевых ситуаций и конструкций, необходимо определить степень возможной идеологической преднамеренности данных ситуаций и конструкций. Например, очевидно, что предвыборные речи кандидата в президенты будут идеологически пристрастны со стопроцентной вероятностью и весь инструментарий дискурсивного анализа здесь уместен.

Еще одна проблема – выявление идеологических свойств текста. Структуры дискурса имеют много когнитивных интерактивных и социальных функций, и ни одна из этих структур не является исключительно идеологической. Идеологическая функция может проявиться как в содержании текста, так и в зависимости от контекста. Например, когда мы смягчаем описание нашей деятельности и ослабляем значение ответственности за негативные последствия наших действий, тем самым на конкретном примере стараемся реализовать стратегию идеологического дискурса, направленного на положительную презентацию собственной группы.

Поэтому при интерпретации дискурсов следует соблюдать осторожность. Пассивная форма глаголов или безличная форма предложений не обязательно свидетельствуют об идеологической предвзятости, они могут просто указывать на то, что субъекты действия неизвестны, или служить для переноса акцента с активных участников событий на тех, кого эти события затрагивают. Это лишний раз подчеркивает значение контекста, в котором формируется тот или иной дискурс.

Собственно дискурсивный анализ может констатировать, что некие тексты имеют характер общих рассуждений или утверждают нечто само собой разумеющееся. При этом, анализируя контекст, мы обнаруживаем, что говорящие или пишущие предполагают наличие у адресной группы общих знаний, которые могут быть расценены как идеологические, поскольку они основаны на разделяемых верованиях или противопоставляются знаниям другой группы. Необходимо отметить, что в ходе межгруппового общения члены той или иной группы знают, что их убеждения не

разделяются представителями других групп, поэтому часто такие убеждения представляются их сторонниками как истинное знание. Достаточно вспомнить критику «исламской демократии» со стороны сторонников либеральной демократии, рассматривающих последнюю в качестве демократии единственно возможной.

Таким образом, любой текст или речевая ситуация должны тестироваться сквозь призму, помогающую отличить общекультурные знания от групповой идеологии, – разумеется, применительно к конкретной ситуации.

И наконец, необходимо отметить, что, несмотря на важность дискурсивных практик для идеологии, необходимо избегать искушения отождествлять идеологии и дискурсы. Хотя исследования, находящиеся в рамках дискурсивной психологии, такому искушению поддаются: осуществляется редукция ментальных структур к структурам дискурсивным, при этом утверждается, что дискурсы поддаются наблюдению в общественном контексте, а собственно умственные способности – нет. Получается, что идеология не может быть зафиксирована как общественно значимая форма мысли, но только как структура дискурса [подробнее см.: Edwards, Potter, 1992].

Идеологии производят не только дискурсы, но и дискриминацию, сопротивление, инакомыслие, расширение прав и т.д. Кроме того, люди могут совершать идеологические поступки, не выражая их словесно (самый очевидный пример – бойкот или забастовка). Естественно, идеологические поступки чаще всего словесно мотивированы, но не всегда, а значит, отождествление идеологии с дискурсом есть неприемлемое допущение.

Таким образом, отказ от таких когнитивных понятий, как верования, взгляды, нормы и убеждения по признаку «ненаблюдаемости», является изощренной формой «бихевиористского софизма», состоящего в подмене «чистой» дискурсивной идеологической интеракции комплексным теоретико-дискурсивным анализом.

Идеологии как нарративы

Достижения в сфере дискурсивного анализа способствовали становлению нового исследовательского направления, использующего лингвистический анализ в качестве методологии исторического исследования ключевых идеологических понятий [подробнее см.: Мусихин, 2012 а, с. 134–146]. Можно выделить *два*

наиболее авторитетных исследовательских направления: теория речевых актов и история понятий (последняя больше известна под своим немецким наименованием *Begriffsgeschichte*). Хотя следует отметить, что ключевая работа последнего направления вышла еще в 1954 г. [Koselleck, 1954], однако оставалась долгое время незамеченной глобальным (т.е. англоязычным) научным сообществом, поскольку выпадала из контекста теории модернизации и «бихевиористской революции» в политической науке.

Данные исследовательские направления сформировались в качестве альтернативы традиционной *Geistgeschichte* (история духа), которая трактовала идеологии как длительные цепи преемственности идей и принципов, существующих параллельно друг с другом и оспаривающих право формулирования путей общественного развития. В интерпретации теории речевых актов и *Begriffsgeschichte* идеологии не являются образом будущего, даже если они на это претендуют. Они *не более чем «семантический инструментарий»*, имеющийся в распоряжении субъектов. Семантическое поле связано с социальной сферой, где формируются представления об альтернативах общественно-политического развития. При этом выбор аргументов из словаря той или иной идеологии зависит от контекста, в котором разворачивается та или иная дискуссия. Однако такой подход может обнаружить лишь «колею зависимости», идущую из прошлого, но не имеет прогностического значения, так как *постоянно корректируется меняющимся настоящим, вернее, меняющимися точками зрения на настоящее*.

Подчеркнутое внимание к контексту, во многом продиктованное развитием теории речевых актов и *Begriffsgeschichte*, привело к формированию исследовательской перспективы, в рамках которой идеология представляется сочлененной с происходящими историческими событиями. Вместо построения истории идей, которая служит фоном для других типов историй, теория речевых актов и *Begriffsgeschichte* пытаются восстановить мышление во всей его контекстуальной сложности и, отталкиваясь от этого, подвергнуть критической рефлексии идеологические нарративы. Данное направление разрабатывалось в рамках немецкой традиции социальной истории и философской герменевтики.

Теория речевых актов, которую по месту деятельности многих ее представителей часто называют Кембриджской школой, отталкивается от научного наследия Робина Коллингвуда и англо-

американской философии языка, в первую очередь – учения о речевых актах Джона Остина. Обе исследовательские школы рассматривали действия политических агентов в рамках политического языка, изучая систему аргументации в контексте «преобладающих допущений и условий политической дискуссии» [Austin, 1975, р. 6]. Данный подход перекликается с философией языка Людвиг Витгенштейна (в особенности с его *теорией языковых игр*), где язык и действия рассматриваются как многозначно переплетенные [см.: Витгенштейн, 2009]. При этом школу Begriffsgeschichte и теорию речевых актов нельзя рассматривать как идентичные в своих исследовательских подходах. Begriffsgeschichte основное внимание уделяет структурам и процессам, теория речевых актов делает акцент на «человеческом факторе» как двигателе интеллектуальной истории. Наиболее показательны в этом отношении труды Квентина Скиннера [Skinner, 1978; 1998; 2002].

Теория речевых актов изменила основной исследовательский фокус традиционной англоязычной истории политической мысли, рассматривавшей идеологии как более или менее систематизированные идейные конструкции с высокой степенью преемственности. Новый подход был сосредоточен на изучении *взаимодействия политической риторики и политического действия*. Можно сказать, что в теории речевых актов политическая мысль стала политическим действием, тогда как традиционные подходы изучали способы, посредством которых общеполитические идеи приспособлялись к политике, приобретая характер идеологий.

В русле этого нового подхода работает Майкл Фриден, разрабатывая теорию *идеологической морфологии* [Freedon, 1996]. Особенно ярко это прослеживается в его анализе трансформаций либерализма в условиях обострения социального вопроса и возникновения новых теорий благосостояния в XX в. [Freedon, 1986]. В своем исследовании британского нового либерализма он рассматривал, каким образом создавались новые концептуальные механизмы из того «сырья» смыслов и политических практик, которые были под рукой у либеральных доктринеров. Систематизируя смыслы и значения, включенные или исключенные из теории и практики либерализма, он создал своеобразную культурно-политическую карту, демонстрирующую виртуальную бесконечность возможностей логического концептуализирования. Либерализм пони-

мается не как монолит постулатов и ценностей, но как комбинация концептуальных кластеров и актуальных общественных благ.

В центре внимания исследователей оказывается проблема связи политической риторики с политическим действием в конкретном историческом, политическом, экономическом и иных контекстах. Предметом изучения отныне оказывается то, каким образом язык идеологии используется в процессе выработки и осуществления политики.

Рассматривая достижения школы *Begriffsgeschichte*, прежде всего следует отметить работы Рейнхарта Козеллека. За отправную точку своего анализа он взял *допущение о непрерывном состоянии политического кризиса*, свойственном Современности. В связи с этим он посмотрел на становление социализма и либерализма не в терминах «триумфального шествия» или «исторического прогресса», а в категориях перманентного кризиса либеральной идеи, начиная с эпохи Просвещения. Именно Просвещение сделало возможной социальную критику, зафиксировав через критику негативных проявлений Абсолютизма само понятие социального кризиса и одновременно обусловив перманентность последнего. В результате *то, что Французская революция провозглашала как единое понятийное целое (свобода и равенство), во второй половине XX в. поставило мир на грань физического уничтожения под знаменами двух соперничающих идеологий* [см. об этом: Koselleck, 1954, S. 69–71; Koselleck, 1979; Koselleck, 2002].

В связи с этим Козеллек проблематизирует понятие «модернизация» как эволюционный процесс, связанный с рациональным пониманием развития. Он утверждает, что со времен Французской революции фундаментальное представление о связи между прошлым, настоящим и будущим претерпело существенные изменения. Классическое рациональное понимание настоящего на основе опыта в результате перманентной социальной критики было дополнено горизонтами ожиданий. Тем самым *истории было дано направление, которого у нее не было до эпохи Просвещения*.

Из-за иллюзорности линии горизонта историческое время стало «ускоряться» по отношению к времени физическому. Вследствие этого основным признаком Современности стало непрерывное умножение новых неизвестных проблем, и это повлекло за собой убеждение, что опыт обладает ограниченными возможностями. Ускорение исторического времени вело к тому, что социальные и

политические действия на основе опыта и идеологических ценностей попали в жесткий цейтнот, вследствие чего Современность переставала быть понятной. Поэтому именно *горизонты ожиданий (а не опыт) стали тем способом, с помощью которого пытались «справиться» с Современностью*. Неудивительно, что данные горизонты формировались на основе политически пристрастных идей и понятий, изучение которых приобретало центральное значение.

Таким образом, происходило формирование новых (или трансформация старых) понятий, сопряженных с меняющимися значениями, которые *пытались предвосхитить будущее и были неспособны понять настоящее* на основе анализа прошлого опыта. Однако политики уверенно пользовались этими понятиями в *актуальной политической борьбе, наделяя их разными (зачастую несовместимыми) значениями*. По сути дела публичная политическая дискуссия стала спором об интерпретации значений.

Изменение исследовательской перспективы, вызванное успехами школ речевых актов и *Begriffsgeschichte*, способствовало переключению внимания исследователей идеологий на изучение того, каким образом категории класса, свободы, солидарности, равенства и др. представлены в ключевых политических дискурсах. Такое видение исследовательской перспективы не оставляет места для унифицированной концепции идеологии и истории как телеологии, здесь *предполагается взгляд на идеологию как на исследовательское поле, где соседствуют разные смыслы*.

При этом результат конкуренции политических понятий не предопределен. Столкновение между различными политическими силами в борьбе за интерпретацию политических смыслов всегда имеет открытый сценарий и не может быть описан только с использованием причинно-следственного механизма. Хотя язык сам по себе не является причиной исторических перемен, он делает изменения возможными благодаря формированию специфических перспектив потенциальных политических действий.

Школы теории речевых актов и *Begriffsgeschichte* оказали большое влияние на исследовательское сообщество. Одним из побочных результатов этого влияния стала попытка разработать *Metaphergeschichte* (историю метафор), которая позволяет рассматривать историю интеллекта и историю литературы в тесной взаимосвязи [*Begriffsgeschichte*, 2002]. Однако подобный культурологический акцент в исследовании взаимодействия идеологии и

истории уязвим со стороны критики тех, кто укажет на ограниченность перспективы только культурного и социального контекстов политических дискуссий. Взаимодействие политической и экономической реальности в условиях постфордистского капитализма превращает само человеческое сознание в производящую (а следовательно, эксплуатируемую и отчуждаемую) субстанцию. Можно сказать, что марксистское «проклятие политэкономии» вновь настаивает идеологию. Попыткой преодолеть это «проклятие», не вернувшись в объятия «линейного» рационализма, стал антропологический подход к идеологиям.

Антропологическая культура в исследовании идеологий¹

Диалектический подход, предложенный для исследования взаимодействия культуры и идеологии Эрнстом Блохом, предполагает отказ от «стерильных» оппозиций, заданных традициями просвещенческого рационализма. Эрнст Блох, пожалуй, наиболее последовательно рассуждал о диалектическом характере идеологий в их культурном проявлении, посвятив свое творчество демистификации культурной гегемонии капитализма и нацизма, а также возможности идеологического противостояния силам фанатизма и террора. С этой целью он предложил свою известную «философию надежды», которая имела в его интерпретации как идеологические, так и антропологические черты, что свидетельствовало о непреодолимой двойственности «культурного производства». По мнению Блоха, идеология имеет не только негативное значение ложного сознания, мистифицирующего гегемонистские системы, но и положительный компенсаторный смысл, который состоит в проектировании альтернативной реальности освобожденного будущего [Bloch, 1985]. Благодаря такому подходу Блох смог увидеть идеологический след не только в «высокой культуре», но и в массовой литературе, архитектуре, спорте или одежде.

Это была попытка обращения к закономерностям действия человеческого сознания, проявляющимся в создании идеологий, – закономерностям, которые не связаны с каким-либо конкретным классом или исторической эпохой. Такой антропологический (а не политико-теоретический) подход видит в культуре и идеологии

¹ Подробнее об этом [см.: Мусихин, 2012 b, с. 53–62].

универсальные элементы в эмпирическом исследовании человеческих социумов.

Диалектический антропологический подход пытается преодолеть противоречия марксистского (ложное сознание) и нормативно-либерального (универсально-индивидуалистические принципы гуманизма) отношения к идеологиям, представляя механизм выработки идеологического знания как стремление к лучшему будущему.

Антропологический взгляд на идеологию пытается *преодолеть характерную для западной теоретической мысли традицию логоцентризма, фрагментация которого породила универсальную идею этноцентризма*. Тем самым фрагментирующаяся западная культура стала мыслиться как единственно универсально значимая. По мнению Ж. Дерриды, в качестве одного из последствий логоцентризма можно рассматривать тенденцию *игнорировать идеологическое значение семиотического, но не вербального поведения* [см. об этом: Derrida, 1998]. Ее значение было выявлено в ходе исследования особенностей фашизма. Оказалось, что именно невербальные проявления идеологии фашизма (политическая хореография, символика, ритуалы) дают возможность выявить многие специфические черты данной идеологии, позволявшей ей овладеть массами [Griffin, 2002, p. 21–43]. Антропологический подход к фашизму смог интерпретировать его как своеобразную светскую религию со своей литургией, культом и священными местами. Это позволило показать, что его целью была не власть как таковая, а «антропологическая революция», направленная на создание нового человека в новом культурном контексте [Gentile, 2004].

Справедливости ради следует отметить, что значение семиотического невербального поведения в современном обществе (и в нетоталитарных идеологиях) не столь сильно и очевидно в сравнении с традиционными обществами. Фрагментация культурного мира Модерна требует огромных (по сути – тоталитарных) усилий, чтобы отстроить единое символическое пространство, узнаваемое за рамками речевых конструкций.

Следует особо подчеркнуть, что антропологический подход пытается быть «над схваткой», объединяя материализм и идеализм на иных основаниях. При этом амбиции антропологов простираются гораздо дальше анализа несемантических образцов культуры и их идеологического наполнения. В последнее время предпринимаются попытки проследить взаимосвязь между культурой и ге-

номом человека, делая предположение, что генетический потенциал человеческой психологии способен проявиться только в созданных для этого культурных условиях [Ridley, 2003].

«Очарование» генетики настолько велико, что породило уже ставшую знаменитой теорию мемов как когнитивного эквивалента биологических генов, при этом концепт мема одновременно получил развитие как в эволюционной теории, так и в теории познания [Blackmore, 1999]. Делается предположение, что бесконечная репликация мемов позволяет человеку приспосабливаться к любым культурным трансформациям так же, как генетический код сохраняет живучесть организма в меняющихся физических условиях.

Все это открывает захватывающие перспективы сравнительного анализа генетической и мемотической сущности человека, который может поднять на новый уровень дискуссию о человеке как биологическом существе, наделенном сознанием, в рамках которой проблема соотношения культуры и идеологии является важным, но частным вопросом.

Последовательное углубление теоретической рефлексии идеологий привело к тому, что в начале XXI в. идеологии стали мыслиться едва ли не как полноправные элементы политической теории как таковой.

Признание неизбежности идеологии сопровождается отказом от автоматических обвинений в ее «ложности». Во всех сколь угодно влиятельных направлениях современной политической теории обнаруживается тот или иной идеологический след. Последний не является результатом некоторой сознательной запрограммированной тенденциозности, а, скорее, отражает очень широкий контекст теоретической политической рефлексии: философский, методологический, культурный, политический, социальный, экономический и т.д. Более того, понимание идеологического воздействия на политическую теорию позволило последней овладеть более изощренными способами рефлексии, которые дают возможность по-новому проблематизировать политическую реальность.

В свою очередь развитие теоретической мысли способствовало возникновению *теории идеологии*. Морфологический анализ позволил лучше понять логику развития идеологического знания,

выявил определенные механизмы в «нормативной комбинаторике», поддерживающей идеологическую сферу политики. Изучение идеологии становится отправной точкой анализа природы политического мышления, состоящего из идеологических «кластеров смысла», формирующих политическую реальность.

Изучение идеологий предполагает переосмысление взаимоотношений политической мысли с политической наукой. Конфронтация политической теории и анализа политических сил и процессов с точки зрения значимости идеологий может трактоваться как ложная альтернатива. Очевидно, что в современном гипертехнологизированном мире контроль над политической мыслью предполагает очевидное влияние на политическое действие. Тем самым *идеологии становятся «социальным фактом», а не просто мыслительной конструкцией, подлежащей той или иной этической интерпретации.*

В связи с этим необходимо пересмотреть стереотип политической науки о политических партиях как основных носителях (и даже создателях) идеологий. Безусловно, политические партии опираются в своей деятельности на идеологию, но последняя в партийных программах носит зачатую выхолощенный и упрощенный характер, что продиктовано логикой актуальной политической ситуации. Поэтому политическая теория может помочь исследователям политики бороться с искушением отождествления современных идеологий с партийными программами и практиками. Идеологии в современном мире являются сложными образованиями, носители и творцы которых могут находиться далеко за рамками политических партий.

Современные идеологии могут иметь разнообразные и форму, и размер: они могут быть пафосными и сдержанными, тотализующими и фрагментарными, доктринальными и нечеткими. Они могут возникнуть (быть переформулированными) в центральных политических и государственных институтах или в недрах университетских кафедр, выкристаллизоваться в ходе рафинированной политико-теоретической дискуссии или возникнуть из устойчивой комбинации массовых стереотипов. Они могут быть этически доброкачественными или вредоносными. То есть идеологии являются творческим соединением факторов, каждый из которых сам по себе может быть оспорен. Они коллективно производятся и коллективно потребляются, но и то и другое может иметь непреднаме-

ренный характер. Очевидно, что понимаемые таким образом идеологии сложно фиксировать и изучать, однако сложность не есть синоним невозможности.

Литература

- Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат / Пер. с нем. Добронравова И. и Лахути Д.; Общ. ред. и предисл. Асмуса В.Ф. – М.: Наука, 2009. – 133 с.
- Гаврилова М.В.* Экспликация идеологических представлений политика: лингвокогнитивный подход // Полис. – М., 2010. – № 3. – С. 80–89.
- Капустин Б.Г.* Что такое «политическая философия». Часть 1: Введение // Полис. – М., 1996. – № 6. – С. 83–96.
- Капустин Б.Г.* Что такое «политическая философия». Часть 2: О «методе» политической философии. Проблема артукуляции // Полис. – М., 1997 а. – № 1. – С. 145–156.
- Капустин Б.Г.* Что такое «политическая философия». Часть 3: Типы политической философии // Полис. – М., 1997 б. – № 2. – С. 148–158.
- Малинова О.Ю.* Концепт идеологии в современных политических исследованиях // Политическая наука: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки., Рос. ассоц. полит. науки; Ред. и сост. вып. Малинова О.Ю. – М., 2003. – № 4: Политическая идеология в современном мире. – С. 8–29.
- Мусихин Г.И.* Дискурсивный анализ идеологий: возможности и ограничения // Полис. – М., 2011. – № 5. – С. 128–144.
- Мусихин Г.И.* Идеология и история // Общественные науки и современность. – М., 2012 а. – № 1. – С. 134–146.
- Мусихин Г.И.* Идеология и культура // Полис. – М., 2012 б. – № 1. – С. 53–62.
- Тузиков А.Р.* Западная теория идеологии: от критики «ложного сознания» к анализу дискурса массмедиа. – М.: Социально-гуманитарные знания, 2002. – 369 с.
- Austin J.L.* How to do things with words: The William James lectures, delivered at Harvard univ. in 1955. – Oxford: Clarendon press, 1975. – 168 p.
- Begriffsgeschichte, Diskursgeschichte, Metapherngeschichte / Ed. by M. Bevir, H.E. Bödeker; et al. – Göttingen: Wallstein, 2002. – 421 p.*
- Blackmore S.* The meme machine. – Oxford: Oxford univ. press, 1999. – 264 p.
- Bloch E.* Das Prinzip Hoffnung. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1985. – 518 S.
- Brand M.* Intending and acting: Toward a naturalized action theory. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1984. – xiii, 296 p.
- Converse P.* The nature of belief systems in mass publics // Ideology and discontent / Ed. D. Apter. – N.Y.: Free Press, 1964. – P. 206–261.
- Dijk T.A. van.* Communicating racism: Ethnic prejudice in thought and talk. – Newbury Park, CA: Sage Publications, 1987. – 437 p.

- Dijk T.A. van.* Context models in discourse processing // The construction of mental representations during reading / Ed.by H. van Oostendorp, S.R. Goldman. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1999. – P. 123–148.
- Dijk T.A. van.* Discourse semantics and ideology // *Discourse & society*. – L., 1995. – Vol. 6(2). – P. 243–289.
- Dijk T.A. van.* *Elite discourse and racism*. – Newbury Park, CA: Sage Publications, 1993. – xii, 320 p.
- Dijk T.A. van.* *Prejudice in discourse: An analysis of ethnic prejudice in cognition and conversation*. – Amsterdam, Philadelphia: J. Benjamins Co., 1984. – 170 p.
- Dijk T.A. van, Kintsch W.* *Strategies of discourse comprehension*. – N.Y.: Academic press, 1983. – xi, 418 p.
- Delli Carpini M., Keeter S.* *What Americans know about politics and why it matters*. – New Haven: Yale univ. press. 1996. – 397 p.
- Derrida J.* *Of grammatology*. – Baltimore, MD: John Hopkins univ., 1998. – 360 p.
- Edwards D., Potter J.* *Discursive psychology*. – L.: Sage, 1992. – 200 p.
- Fairclough N.L.* *Critical discourse analysis: The critical study of language*. – L.: Longman, 1995. – xiii, 265 p.
- Fowler R.* *Language in the news: Discourse and ideology in the British press*. – L.: Routledge, 1991. – 254 p.
- Freeden M.* *Ideologies and political theory: A conceptual approach*. – Oxford: Clarendon press, 1996. – 592 p.
- Freeden M.* *Liberalism divided: A study in British political thought, 1914–1939*. – Oxford: Clarendon press, 1986. – 399 p.
- Gentile E.* *Fascism, totalitarianism and political religion: Definitions and critical reflections on the critiques of a theory // Totalitarian movements and political religions*. – L., 2004. – Vol. 5, N 3. – P. 326–375.
- Gerring J.* *Ideology: A definitional analysis // Political research quarterly*. – Salt Lake City, UT, 1997. – Vol. 50, N 4. – P. 957–994.
- Griffin R.* *The primacy of culture. The current growth (or manufacture) of consensus within Fascist studies // Journal of contemporary history*. – L., 2002. – Vol. 37, N 1. – P. 21–43.
- Johnson-Laird P.N.* *Mental models: Towards a cognitive science of language, inference, and consciousness*. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1983. – 513 p.
- Koselleck R.* *Kritik und Krise: Eine Studie zur Pathogenese der bürgerlichen Welt*. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1954. – 247 S.
- Koselleck R.* *The practice of conceptual history: Timing history, spacing concepts (cultural memory in the pre-sent)*. – Stanford, Calif.: Stanford univ. press, 2002. – 363 p.
- Koselleck R.* *Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1979. – 388 S.
- Kuklinski J.H.* *Belief systems and political decision making // The Oxford handbook of political behavior*. – Oxford: Oxford univ. press, 2007. – P. 55–61.
- McLellan D.* *Ideology*. – Minneapolis, MN: Univ. Minneapolis press, 1986. – 99 p.
- Nadeau R., Levine J.* *Innumeracy about minority populations // Public opinion Quarterly*. – Oxford, 1993. – Vol. 57. – P. 332–347.

- Nadeau R., Niemi R.* Educated guesses: the process of answering factual knowledge questions in surveys // *Public opinion quarterly*. – Oxford, 1995. – Vol. 59. – P. 322–346.
- Palonen K.* Die Entzauberung der Begriffe. Das Umschreiben der politischen Begriffe bei Quentin Skinner und Reinhart Koselleck. – Muenster: LIT Verlag, 2004. – 368 S.
- Ridley M.* Nature via nurture: Genes, experience, and what makes us human. – L.: Fourth Estate, 2003. – 326 p.
- Skinner Q.* Liberty before liberalism. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1998. – xiv, 142 p.
- Skinner Q.* The foundations of modern political thought. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1978. – Vol. 1: The renaissance. – 305 p.
- Skinner Q.* Visions of politics. – Cambridge: CUP, 2002. – Vol. 1: Regarding method. – 227 p.
- Wodak R.* Language, power, & ideology: Studies in political discourse. –Amsterdam: Walter Benjamins, 1989. – 288 p.
- Zaller J.* The nature and origins of mass opinion. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1992. – 367 p.